

ЦУГЦВАНГ. РАЗУМОВСКИЙ

СЕСИЛИЯ СУАРЕЗ

18+

Сесилия Суарез Цугцванг. Разумовский

<https://litres.ru/74665554>

SelfPub; 2026

Аннотация

Григорий Разумовский остался один на пепелище собственной жизни. Теперь он — новый дон кубанского клана, человек, которого боятся и уважают. Его руки в крови, его сердце закрыто навсегда. Он поклялся, что больше никогда не позволит себе слабость.

Но у войны свои правила. Чтобы укрепить пошатнувшиеся позиции, он вынужден жениться на дочери союзника. София молода, невинна и смертельно напугана. Она знает, что её отдают как разменную монету, и готовится к худшему.

Он не ищет её любви. Он ищет только мир для своего клана. Но чем дольше они живут под одной крышей, тем яснее он понимает: эта хрупкая девушка с огромными карими глазами пробуждает в нём то, что он считал мёртвым. Нежность. Желание защищать. Страсть.

В мире, где правят кровь и честь, даже у самого жестокого Хозяина есть сердце. И оно умеет биться.

Эмоционально, больно, страстно и непременно всем воздастся по заслугам.

Содержание

Глава 1. Отцовский наказ	4
Глава 2. Новая метла	10
Глава 3. Звонок сестре	20
Глава 4. Сестра	29
Глава 5. Уроки стратегии	35
Глава 6. Ухаживания	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сесилия Суарез

Цугцванг. Разумовский

Глава 1. Отцовский наказ

«Цугцванг — это позиция, в которой любой возможный ход только ухудшает положение. Иногда, чтобы выиграть, нужно сначала всё потерять».

Григорий

Батяка вызвал меня в кабинет сразу после завтрака. Я тогда ещё не знал, что он задумал, но по тому, как он хмурил брови и молчал, разрезая яичницу, чувствовал: дело нечисто. Старый пёс, что лежал у его ног, поскуливал, будто тоже понимал — сегодня что-то изменится. Я сидел за столом, вертел в пальцах дедов перстень и ждал. Батяка никогда не спешил, когда речь шла о важном. Он любил потянуть, пожевать губу, постучать пальцами по столу, а потом выдать такое, от чего земля из-под ног уходила. Я привык. Почти.

— Зайди, — бросил он, откладывая вилку.

Я поднялся, одёрнул рубашку и пошёл за ним. Каблуки сапог глухо стучали по паркету. В кабинете пахло табаком и старыми книгами — запах, который я помнил с детства. На стенах висели портреты предков: дед в казачьем башлыке,

прадед с шашкой, ещё кто-то с Георгиевским крестом. Все они смотрели на меня строго, будто спрашивали: «А ты достоин?» Я до сих пор не знал ответа.

Батька сел за стол, тяжело, по-стариковски, хотя ему только шестьдесят с хвостиком. Он был ещё крепок, но что-то в нём надломилось после того, как он казнил своего брата — дядю Виктора, кто убил мать. Я видел эту казнь. Я до сих пор слышал, как бахнул выстрел. И после этого батька стал другим. Ушёл в себя. Перестал улыбаться. А теперь, кажется, решил уйти совсем.

— Садись, Григорий, — сказал он, кивая на стул напротив.

Я сел. Спину держал прямо. Руки положил на колени, чтобы не крутить перстень. Батька этого не любил. Он вообще не любил, когда я нервничал. «Ты — Разумовский, — говорил он. — Мы не дёргаемся».

— Я уезжаю, — произнёс он без предисловий. — В станицу. К Надежде. Она ждёт меня.

Я ждал чего угодно, только не этого. Надежда — простая женщина из дальней станицы, вдова, с которой батька познакомился прошлой осенью. Я думал, это так, блажь. А оно вон как обернулось.

— Совсем? — спросил я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Совсем, — он кивнул. — Я устал, сына. Устал от крови, от интриг, от всего этого. Ты молодой, сильный. Ты спра-

вишься. А я хочу пожить для себя. Хоть немного.

Он говорил спокойно, но я видел, как его пальцы сжали подлокотник. Ему было трудно. Трудно уходить, трудно оставлять меня, трудно признать, что он больше не Хозяин. Но он решил. А если батька решал что-то, его ничто не могло остановить.

— Клан остаётся на тебе, — продолжил он. — Я передаю тебе печать.

Он открыл ящик стола и достал небольшую шкатулку. Внутри лежала печать — тяжёлая, серебряная, с выгравированным гербом Разумовских: два скрещённых колоса и казачья шашка. Этой печатью скрепляли все важные документы, приказы, договоры. Она была символом власти. И сейчас батька протягивал её мне.

— Держи, — сказал он. — Теперь ты — Хозяин.

Я взял печать. Она оказалась тяжелее, чем я думал. Или это не печать была тяжёлой, а груз, который она на меня возлагала. Я сжал её в ладони и почувствовал, как металл холодит кожу.

— Слухай сюда, — батька посмотрел мне прямо в глаза. — Ты горячий, Гришка. Всегда был горячим. Как и я в молодости. Но горячность до добра не доводит. Я из-за неё много дров наломал. И мать твою не уберёг. Ты должен быть умнее. Холоднее. Думай головой, а не кулаками.

— Я понял, батя, — ответил я, хотя внутри всё кипело. Какой, к чёрту, холод? Как можно быть холодным, когда во-

круг враги, когда старая гвардия воротит нос, когда каждый день приносит новые проблемы?

— Не понял, — он покачал головой. — Но поймёшь. Жизнь научит. А пока — слушай. У тебя есть Катька. Она теперь Вяземская, но она — Разумовская по крови. Не забывай об этом. Держись за семью. Семья — это всё.

Я молча кивнул. Слова застряли в горле.

— Ну, вот и добро, — батька встал, обошёл стол и обнял меня. Крепко, по-мужски, хлопнув по спине. — Не подведи. Я верю в тебя.

— Не подведу, — выдавил я.

Он отпустил меня, взял со стула свою старую кубанку, наклонился на лоб и вышел. Я остался в кабинете один. В руке — печать. На стене — портреты предков. В голове — пустота.

Подожёл к окну. Во дворе уже стояла машина — старая «Нива», которую батька любил больше, чем все свои внедорожники. Рядом с ней — Надежда, обычная округлая женщина в платке, с добрым лицом и натруженными руками. Она не пыталась быть хозяйкой, не лезла в дела, просто была рядом с батькой, когда ему это было нужно. Я уважал её за это. Батька вышел, обнял её за плечи, и они сели в машину. «Нива» затарахтела и покатила по аллее, поднимая пыль. Я смотрел, как она исчезает за кипарисами, и чувствовал, как внутри что-то сжимается. Я остался один.

— Ну шо, Григорий Сергеич, — раздался голос за спиной. — Теперь ты тут главный.

Я обернулся. В дверях стоял Дядько, наш начальник охраны, старый казак с седым оселедцем и лицом, изрезанным морщинами. Он служил ещё моему деду, потом отцу, а теперь, видать, будет служить мне. Если захочет.

— Выходит, так, — ответил я.

— Добро, — он кивнул. — Я за тебя, Григорий Сергеич. Ты парень горячий, но справедливый. Это главное. А горячность... ну, остынешь.

Я хмыкнул. Легко сказать — остынешь. После того, что я видел, после того, что сделал батька, после того, как Катя уехала в Питер и стала Вяземской, а я остался здесь разгребать дерьмо... Нет, горячность была частью меня. Она кипела в крови, как молодая буза в бочке. Но батька прав: надо учиться её сдерживать. Иначе сожрёт.

Я сел за стол. Положил печать перед собой и долго смотрел на неё. Потом обвёл взглядом портреты. Дед, прадед с шашкой. Все они были Хозяевами. Все они прошли через кровь, через войны, через предательства. И никто из них не сломался. Неужели я слабее?

— Ну шо, деды, — прошептал я, глядя на портреты, — принимайте в свою компанию. Только вы уж не судите строго. Я тока учусь.

В кабинете повисла тишина. Только часы тикали на стене да где-то вдалеке лаяли собаки. Я откинулся в кресле и закрыл глаза. Впереди было много дел. Нужно было разобраться с «Новыми», которые совсем обнаглели. Нужно было до-

казать старой гвардии, что я не мальчишка. Нужно было заслужить уважение. И ещё — нужно было найти себе жену. Батяка намекал, что пора. Клану нужен наследник. А я... я даже думать об этом не хотел.

Глава 2. Новая метла

Утро началось с дурных вестей. Я еще кофе не допил, а Дядько уже стоял в дверях кабинета и мял в руках какую-то бумажку. По его лицу было видно — ничего хорошего не жди. Я отставил чашку и откинулся в кресле. Перстень деда привычно лёг в ладонь, и я закрутил его пальцами.

— Ну, шо там? — спросил я.

— Поставщики, Григорий Сергеич, — Дядько вздохнул. — Те, что из Новороссийска. Говорят, цены поднимают. На десять процентов. И ещё «Новые» к ним наведывались. Теперь они боятся с нами работать.

Я сжал перстень так, что он впился в кожу. Десять процентов — это не просто цифры. Это удар по всему хозяйству. Виноградники, зерно, портовые перевозки — всё завязано на этих поставщиках. Если они сейчас сорвут контракты, мы потеряем кучу денег. А «Новые» — те самые ублюдки, что объявились с месяц назад, — видать, решили подмять под себя и наших партнёров. Сучьи дети.

— Собери совет, — сказал я, поднимаясь. — Через час. Всех старейшин. И Нестеренко чтоб был обязательно.

— Будет сделано, — Дядько кивнул и вышел.

Я остался один. Подошёл к окну и уставился на виноградники. Солнце только вставало, красило лозы в золотой. Красиво, аж дух захватывает. Но мне было не до красоты.

В голове крутились мысли, одна другой гаже. Поставщики. «Новые». Старая гвардия, что воротит нос от «мальчишки». Батька уехал, оставив меня одного, и теперь каждый, кому не лень, проверяет меня на прочность. Шо ж, пусть проверяют. Я им покажу, кто тут Хозяин.

Через час в большом зале усадьбы собрались старейшины. Длинный дубовый стол, за которым когда-то сидел дед, потом отец, теперь занял я. По бокам расселись казаки — старые, битые жизнью, с седыми усами и выцветшими глазами. Некоторые помнили ещё деда, некоторые воевали с батькой в девяностые. И все они смотрели на меня с той особой смесью уважения и сомнения, от которой у меня сводило челюсти. «Ну-ну, мальчик, покажи, на что ты годеи», — читалось в их глазах.

Во главе стола, справа от меня, сидел атаман Нестеренко. Ему было под шестьдесят, но выглядел он крепко — сухой, жилистый, с длинным седым оселедцем и усами, что свисали ниже подбородка. Одет в бешмет и кубанку, которую не снимал даже в помещении. Он был правой рукой отца, его советником, его другом. Но ко мне он относился... как к щенку, которого надо ещё дрессировать.

— Ну шо, Григорий Сергеич, — начал он, не дав мне и рта раскрыть. — Докладывают, поставщики бунтуют. Цены поднимают, работать с нами не хотят. Как ты с ними договаривался?

— Я с ними не договаривался, — ответил я, стараясь го-

ворить спокойно. — Я с ними только встретился. Они сразу выдвинули условия.

— Условия, — Нестеренко хмыкнул и переглянулся с соседом. — А ты им шо? Согласился?

— Нет. Сказал, что подумаю.

— Подумаю, — он покачал головой. — Батька твой не думал. Он сразу ставил на место. А ты думаешь.

Я сжал челюсти. Хотелось врезать кулаком по столу, но я сдержался. Нельзя. Если сорвусь — они увидят слабость. Горячность — это не то, что им нужно показать.

— Батька мой, — произнёс я медленно, чеканя слова. — Работал в другое время. Сейчас другие люди, другие правила. Если мы будем давить, мы потеряем партнёров. Нам нужно договариваться. Это не слабость, это стратегия.

— Стратегия, — Нестеренко скривился. — Слышь, Григорий, ты мальчишка ещё. Ты думаешь, что всё можно решить словами? А вот «Новые» слова не понимают. Они понимают только силу. И поставщики твои тоже. Дай им понять, что с нами шутки плохи. А ты — «договариваться». Э-эх!

Он махнул рукой, и несколько старейшин согласно закивали. Я обвёл их взглядом. Все они смотрели на меня — кто с сочувствием, кто с презрением. И в каждом взгляде читалось одно: «Не дорос». Я сжал перстень в кулаке так, что он проткнул кожу. Хотелось крикнуть: «Слушайте сюда, старые черти! Я — Хозяин! Меня батька поставил!» Но крик — это

слабость. Я должен доказать делом.

— Добро, — сказал я, вставая. — Я услышал вас. Совет окончен. Расходитесь.

— А поставщики? — не унимался Нестеренко. — Шо с ними делать будешь?

— Разберусь. По-своему.

Они переглянулись, но спорить не стали. Поднялись, загремели стульями, потянулись к выходу. Я стоял и смотрел, как они уходят. Спины, сгорбленные годами, седые затылки, старые кубанки. Они уважали моего отца. Меня — пока нет. И это надо было менять. Не словами — делами.

Когда зал опустел, я вышел на крыльцо. Солнце уже поднялось высоко и палило нещадно. Я стянул рубашку, оставшись в одной майке, и пошёл через виноградник. Мне нужно было проветрить голову. Мысли путались, и я надеялся, что физическая усталость их хоть немного приведёт в порядок.

Я шёл между рядами лоз, и солнце уже припекало так, что рубашка липла к спине, а по вискам катился пот. Гроздья наливались соком, тяжёлые, тёмные, почти чёрные на изломе, и я срывал попадавшие под руку ягоды, давил их в пальцах, чувствовал, как сок затекает под ногти. Липкий. Сладкий. Такой же, как в детстве, когда батька впервые привёл меня сюда, в этот самый виноградник, и сказал: «Слухай, Гришка, земля — она всё помнит. И людей помнит, и кровь, и пот. Ты к ней с уважением — и она тебе ответит». Я тогда пацаном был, не понимал, о чём он. Теперь понимаю.

Батяка, по ходу, был прав. Горячность — мой враг. Я сколько раз уже срывался за этот месяц? Не сосчитать. То на поставщиков рыкну, то кулаком по столу так, что чернильница подпрыгивает, то с Нестеренко на совете чуть не сцепился, прямо при всех. А Нестеренко, бисов сын, только рад. Смотрит на меня своими выцветшими глазами, ус крутит и ухмыляется, мол, ну что, щенок, доигрался? Думает, раз батяка уехал, так он тут хозяин. Думает, я не вижу, как он под меня копает, как шепчется с казаками за моей спиной. Вижу. Всё вижу. И злюсь так, что в глазах темнеет. Но батяка сказал: «Думай головой, а не кулаками». А я, как назло, только кулаками и умею. Но ничего, научусь. Заставлю себя. Потому что «Новые» уже обнаглели вконец — лезут на наши станицы, пугают фермеров, жгут склады. Им бы только слабинку мою увидеть, и всё — сожрут с потрохами. Так что держись, Гришка. Держись.

Батяка намекал, и не раз: «Пора, Григорий. Клану нужна хозяйка». А у меня как представляю, что в дом войдёт чужая женщина, сядет на место, где мать сидела, так всё внутри переворачивается. Да и была у меня одна. Давно. Вера. Смешливая, с косой до пояса, с глазами, как кубанское небо в августе. Я её с шестнадцати лет любил, думал — женюсь, как только встану на ноги. А её убили. Не по-людски убили — из-за бати, из-за каких-то разборок, из-за того, что клан наш тогда на ножах был с соседями. Я её хоронил и клялся, что больше никогда. Никого. Сердце, думал, вместе с ней в

землю лёг. Ан нет. Сердце помнит. И болит. Так болит, хоть волком вой. Но нельзя. Нельзя показывать. Потому что Хозяин не может быть слабым. Потому что батька учил: «Боль — это внутри. Снаружи — только холод». Ну и хожу я, значит, со своим холодом. А думаю про то, что, может, и правда пора. Может, хватит уже себя хоронить вместе с ней. Может, клан важнее. Выбора у меня, по сути, и нет.

Думал я это все, думал, и тут увидел её.

Она стояла в дальнем конце виноградника, у самого края, где начиналась станица. Девушка лет двадцати, с русыми волосами, что выбивались из-под платка. Простое ситцевое платье, босые ноги, корзина с виноградом в руках. Она наклонилась, чтобы поднять упавшую гроздь, и я замер. Солнце просвечивало сквозь тонкую ткань платья, обрисовывая её фигуру, и у меня перехватило дыхание. Не было в ней ничего от тех холёных женщин, что крутились вокруг нашего клана. Никакой косметики, никаких украшений. Только чистая, нетронутая красота.

Она выпрямилась, откинула волосы назад и вдруг заметила меня. На мгновение её глаза расширились. Серые. Как грозовое небо. Девушка замерла. Корзина чуть качнулась, но она удержала её. Мы стояли друг напротив друга, разделённые рядами лоз, и я не мог отвести взгляд. Сердце толкалось где-то в горле, и я, бисов сын, впервые за много лет почувствовал, как земля уходит из-под ног.

— Добрый день, — сказала она тихо, и голос её был мягким, с той самой кубанской певучестью.

— Добрый, — ответил я и удивился тому, как хрипло прозвучал голос. — Ты кто такая? Я тебя раньше не видел.

— Я Анька, — она чуть улыбнулась. — Дочка Панаса. Мы тут недалеко живём, за станицей. А Вы — Григорий Сергеевич? Хозяин?

— Можно просто Григорий, — сказал я и сам не узнал себя. Обычно я требовал уважения, а тут — «просто Григорий». Шо ж ты делаешь со мной, девка?

— Григорий, — повторила она, пробуя имя на вкус. — Красивое имя. Греческое.

— Турецкое, — поправил я. — У меня бабка турчанка была.

— Ой, — она прикрыла рот ладошкой, и я заметил, как щеки покраснели. — Простите, я не хотела...

— Ничего, — я шагнул ближе. — Ты не бойся меня. Я не кусаюсь. По крайней мере, без предупреждения.

Она засмеялась — тихо, переливчато, и этот смех ударил по мне сильнее любого вина. Я стоял и смотрел на неё, как дурак. Она была невысокой, стройной, с тонкими запястьями и длинными волосами, спадавшими с плеч. На щеках — лёгкий румянец. И пахло от неё виноградом и ещё чем-то сладким, полевым. Я вдохнул этот запах и почувствовал, как внутри всё сжимается.

— Ты работаешь на виноградниках? — спросил я, просто

чтобы что-то сказать.

— Да, помогаю бате, — она пожала плечами. — Тут всегда нужны руки. Я с детства тут.

— А не тяжело? — я кивнул на корзину. — Ты такая хрупкая.

— Хрупкая? — она снова засмеялась. — Ой, не скажите. Я мешки с зерном таскала, когда у бати спину прихватило. Так что я крепкая.

Я усмехнулся. Крепкая. Да, видно, что не из неженок. И от этого она нравилась мне ещё больше. Анька — дочь простого фермера. Не из кланов, не из донов. Обычная кубанская девка. Но что-то в ней было такое, что заставляло моё сердце биться чаще. Может, её простота. Может, её искренность. А может, то, как она смотрела на меня — без страха, без заискивания.

— Шо ж ты, Анька, — сказал я, и голос мой прозвучал ниже. — Будь осторожна. Тут иногда бродят всякие. Молодые, наглые. Ты если что — сразу к нам, в усадьбу. Мы защитим.

— Спасибо, — она кивнула, но в её глазах мелькнула искорка. — Но я и сама могу за себя постоять. Меня батька научил.

— Чему?

— Ну, — она замялась. — Пару приёмов показал. И ещё у меня дробовик есть.

Я расхохотался. Дробовик! Эта хрупкая девчонка с дробовиком — картина, от которой я не мог оторваться.

— Ладно, Анька с дробовиком, — я подмигнул ей. — Давай знакомиться. Я Григорий, как ты уже знаешь. А ты, значит, Анна.

— Анна Панасовна, — она присела в шутливом реверансе. — Будем знакомы.

— Будем, — я протянул руку, и она вложила свою ладонь. Тёплую, сухую, с мозолями от работы. Я задержал её на мгновение и почувствовал, как по телу пробежала дрожь. Нет, это не просто симпатия. Это что-то другое. Одержимость, бисов сын. Одержимость.

— Мне пора, — она мягко высвободила руку. — Батя ждёт. Рада была познакомиться, Григорий Сергеич. Заходите в гости, если будете в наших краях. У нас всегда рады хорошим людям.

— Зайду, — пообещал я. — Обязательно.

Она развернулась и пошла по тропинке, легко, как лань. Я стоял и смотрел ей вслед, пока фигура не скрылась за кипарисами. Потом глубоко вдохнул и потёр костяшки пальцев. Ну, Гришка, ты попал. По самые уши.

Я развернулся и быстрым шагом пошёл к усадьбе. В голове крутилось только одно. И я знал, что сегодня не усну. Потому что она уже заняла все мои мысли. И от этого было страшно. Страшно — и в то же время хорошо. Так хорошо, как не было уже много лет. После всей этой крови, грязи и потерь вдруг появилось что-то чистое. Что-то, ради чего хотелось жить.

И я, Григорий Разумовский, Хозяин Кубани, поклялся себе: я найду её снова. И сделаю своей.

Глава 3. Звонок сестре

Ночь после встречи с Анной я не спал. Ворочался, как медведь в берлоге, скидывал подушку, снова клал, вставал пить воду, опять ложился. Ничего не помогало. Перед глазами стояла она — русые волосы, серые глаза, и эта её улыбка тихая, смущённая. Я лежал и представлял, как провожу ладонью по её волосам, как касаюсь губами шеи, как она вздрагивает и краснеет. От этих мыслей становилось жарко, и я, бисов сын, не мог ничего с собой поделать. Член стоял колом, и сколько бы я ни ворочался, он не желал утихать.

— Та шо ж ты делаешь со мной, Анька, — прошептал я в темноту.

Ответа не было. Только цикады трещали за окном да где-то далеко лаяли собаки. Я перевернулся на спину и уставился в потолок. Мысли путались. С одной стороны — дела, «Новые», старая гвардия, Нестеренко, что воротит нос. С другой — она. Девка из простых, дочка бедного фермера, что и мешка-то с зерном, поди, не поднимет. Но я не мог выкинуть её из головы. Хотел. Пытался. Не выходило.

Под утро я встал, умылся ледяной водой, натянул джинсы и рубашку. Дядько уже ждал меня внизу, но я махнул рукой — потом. Сначала нужно было поговорить с Катей. Она — моя сестра, и она поймёт. Может, совет даст. А может, просто выслушает.

Я прошёл в кабинет, закрыл дверь на ключ и набрал её номер. Гудки шли долго, и я уже решил, что она не возьмёт — время раннее, у них там, в Питере, ещё, поди, спят. Но на четвёртом гудке раздался щелчок, и её голос, сонный, но уже встревоженный, произнёс:

— Гриша? Что случилось?

— Ничего не случилось, Кать, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Просто поговорить хотел.

— В такую рань? — она хмыкнула, и я услышал, как она зеваёт. — Ты меня разбудил, братец. У нас тут ночь ещё, вообще-то.

— Прости, — я усмехнулся. — Забыл, что вы там, на севере, поздно встаёте.

— Мы не поздно встаём, мы поздно ложимся, — парировала она. — У меня тут муж, знаешь ли, который не даёт спать по ночам.

— Катя! — я чуть не поперхнулся. — Не надо мне подробностей.

— Ты сам начал, — она рассмеялась, и смех у неё был такой же, как в детстве, звонкий, переливчатый. — Ладно, говори, что случилось.

Я замолчал, собираясь с мыслями. Крутил перстень на пальце — туда-сюда, туда-сюда. Потом выдохнул и сказал:

— У нас тут проблемы, Кать. «Новые» объявились. Молодая группировка, наглая, беспредельная. Они поставщиков моих запугивают, цены взвинчивают, людей сманивают.

И старая гвардия меня не слушает. Нестеренко в открытую говорит, что я мальчишка и не справлюсь. А ещё... — я запылся. — Ещё батька уехал.

— Знаю, — тихо сказала Катя. — Он мне звонил. Сказал, что ты справишься.

— Справлюсь, — я кивнул, хотя она не видела. — Но мне нужна помощь, Кать. Мне нужен кто-то, кто умеет думать. Стратег. Как ты там справлялась с Иваном? Он же у тебя гений.

— Он у меня ледяной принц, — она снова усмехнулась. — Но да, стратег. Я поговорю с ним, Гриш. Он пришлёт кого-нибудь. У нас есть один человек — Гера Барятинский. Он умный, хитрый и умеет договариваться. И ещё он друг Ивана. Думаю, он подойдёт.

— Гера? — я хмыкнул. — Это шо за имя такое?

— Аристократическое, — она засмеялась. — Ты там с ним поаккуратнее, он нежный.

— Я с ним по-нашему, — ответил я. — Спасибо, сестра. Ты меня выручаешь.

— Это мой долг, — сказала она серьёзно. — Ты мой брат, Гриша. Мы — семья. Если что-то нужно, звони. Всегда.

— Добро, — я помолчал. — А как ты там вообще? Как Иван? Как...

— Как Вяземские? — она тихо рассмеялась. — Я привыкла, Гриш. Тут холодно, но люди тёплые.

— Ты всегда была горячеей, — сказал я. — Пошла в нашу

породу.

— А ты? — вдруг спросила она. — У тебя кто-то есть?

Я замер. Крутить перстень перестал. Сердце забилося быстрее.

— Есть одна девка, — сказал я хрипло. — Дочь фермера. Анна.

— О, — в её голосе мелькнул интерес. — Рассказывай.

— Нечего рассказывать, — буркнул я. — Я её только раз видел. Но... не могу забыть, бисов сын. Она мне покоя не даёт.

— Ты влюбился, — констатировала Катя, и я прямо слышал, как она улыбается. — Это хорошо, Гриш. Тебе давно пора.

— Я не влюбился, — возразил я, но сам себе не поверил. — Просто хочу её. Сильно. До дрожи.

— Это одно и то же, — она помолчала. — Слушай, если она тебе нравится, не упusti. Жизнь короткая. Я это поняла, когда чуть не потеряла Ваню. Не жди, пока станет поздно.

— Я не жду, — сказал я. — Я уже всё узнал про неё. Она — младшая дочь Панаса, фермера из станицы. У него ещё три дочери старше. Я поеду к нему сегодня. Предложу выкуп.

— Выкуп? — Катя поперхнулась. — Гриш, двадцать первый век на дворе. Какой выкуп?

— По-нашему, — я усмехнулся. — Традиция. Я же Хозяин. Мне положено.

— Ладно, удачи тебе, — она засмеялась. — Только не напугай девочку. Ты, когда серьёзный, страшный.

— Я не серьёзный, — я хмыкнул. — Я просто... решительный.

— Вот именно, — она вздохнула. — Ладно, братец, я позвоню насчёт Геры. А ты там... будь осторожен. И передай от меня привет виноградникам.

— Передам, — пообещал я. — Спасибо, сестра.

Я отключился и откинулся в кресле. Разговор с Катей немного успокоил. Всё-таки семья — это главное, что у меня есть. И то, что она готова помочь, давало мне силы.

Но мысли об Аньке не уходили. Я снова вспомнил её — как она стояла в винограднике, как поправляла выбившуюся прядь, как улыбалась, прикрывая рот ладошкой. И снова возбуждение ударило в пах. Я сжал челюсти. Нет, так дальше нельзя. Надо ехать. Сегодня же.

Вызвал Дядько и велел готовить машину.

Ферма Панаса находилась в трёх километрах от усадьбы, за старой мельницей. Я ехал и смотрел, как проплывают за окнами виноградники, поля, перелески. Но я не замечал красоты. Думал только о ней.

У ворот меня встретил сам Панас — сухой, жилистый старик с обветренным лицом и натруженными руками. Он был из тех, кто всю жизнь пахал землю и ничего не просил у власти. Увидев мой внедорожник, он нахмурился, но страха в его глазах не было. Только настороженность.

— Доброго дня, Григорий Сергеич, — сказал он, снимая кубанку. — Чем обязаны?

— Доброго, Панас, — я вышел из машины и протянул руку. Он пожал её, крепко, по-мужски. — Разговор есть. Важный.

— Ну, заходите, — он кивнул на хату.

Я вошёл. В хате пахло борщом, хлебом и травами, которые свисали под потолком. Простая обстановка: деревянный стол, лавки, икона в углу. И девушки. Четыре дочки Панаса сидели за столом и перебирали фасоль. Увидев меня, они замерли. Три старшие — крепкие, румяные, с любопытством разглядывали гостя. А младшая, Анна, спряталась за спину отца и опустила глаза. Её щёки горели, и она теребила край передника.

Моё сердце пропустило удар. Она была ещё красивее, чем в прошлый раз. В простом домашнем платье, с косой, уложенной вокруг головы, босая. И этот её взгляд исподлобья, робкий, испуганный. Меня прям вставило. Я сглотнул и заставил себя отвернуться.

— Панас, — сказал я, глядя на старика. — У меня к тебе дело. Я хочу взять в жёны твою дочь.

Фермер замер. Потом медленно перевёл взгляд на дочек, потом снова на меня.

— Которую? — спросил он осторожно.

— Младшую. Анну.

В хате повисла тишина. Анна ахнула и совсем спряталась

за отца. Старшие сёстры переглянулись. Панас нахмурился.

— Григорий Сергеич, — начал он медленно. — Вы — Хозяин. Для нас это великая честь. Но Анька младшая. Ей тока восемнадцать исполнилось. Она ещё дитё.

— Восемнадцать — это не дитё, — отрезал я. — Это взрослая девка.

— У меня три старшие дочери, — Панас указал на них. — Вот Оксана — ей двадцать пять. Хорошая хозяйка, работающая. Или Настя — двадцать три. Или...

— Мне нужна Анна, — перебил я.

Панас замолчал. Я видел, как он колеблется. Ему не хотелось отдавать младшую, это было ясно. Но он был беден, и приданое для старших дочерей было для него проблемой. Я решил надавить.

— Слухай сюда, Панас, — я заговорил тихо, но веско. — За Анной я даю хороший выкуп. Очень хороший. Такой, что ты сможешь выдать замуж всех трёх старших с богатым приданым. И ещё останется. Породниться с Разумовскими — великая честь. Ты это знаешь.

Он смотрел на меня, и в его глазах боролись гордость и нужда. Я ждал. Анька за его спиной дышала часто-часто, и я чувствовал её страх. Это заводило. Я представил, как она будет так же дрожать в моих руках, и член снова дал о себе знать. Я сжал челюсти и заставил себя думать о деле.

— Я согласен, — выдавил Панас. — Но есть условие. Вы не тронете её до свадьбы. Она должна привыкнуть. Она бо-

ится Вас.

— Добро, — я кивнул. — Я даю слово. До свадьбы я к ней не прикоснусь. Она будет жить в усадьбе, в гостевом крыле. Я буду заботиться о ней. А когда придёт время, мы поженимся.

Анна выглянула из-за отца. Её глаза были огромными, и в них стояли слёзы. Но я видел и другое — любопытство. Она боялась меня, но что-то в ней тянулось ко мне. Это было видно по тому, как она кусала губу, как её пальцы теребили передник. Она хотела меня. Может, сама ещё не понимала, но хотела.

— Анна, — я обратился к ней напрямую, и она вздрогнула. — Ты не бойся. Я тебя не обижу. Ты станешь хозяйкой усадьбы. У тебя будет всё, что захочешь. Платья, украшения, слуги. И я буду рядом. Всегда.

Она молчала, опустив глаза. Потом едва заметно кивнула. — Добро, — сказал я. — Значит, договорились.

Я повернулся к Панасу и протянул руку. Он пожал её, и я почувствовал, как его ладонь дрожит. Он отдавал мне дочь, и это было для него тяжело. Но он знал, что так будет лучше. Для неё. Для всех.

Я вышел из хаты и сел в машину. Сердце колотилось, и я, бисов сын, улыбался, как дурак. Анька. Моя невеста. Моя будущая жена.

Через неделю она переехала в усадьбу. Я поселил её в гостевом крыле, как и обещал. Выделил служанку, купил но-

вые платья, показал виноградники. Она была тихой, робкой, прятала глаза, когда я проходил мимо. Но я не давил. Я ждал.

И каждую ночь, лёжа в постели, я представлял, как однажды она перестанет бояться. Как сама придёт ко мне. Как я проведу ладонью по её волосам, как коснусь губами шеи. Как она застонет и прижмётся ко мне.

От этих мыслей я не мог уснуть. Член стоял, и я, бисов сын, ворочался до рассвета. Но я дал слово. И я сдержу его. Даже если это будет стоить мне всех нервов. Потому что она того стоила. Моя Анна.

Моя будущая жена.

Моя любовь.

Глава 4. Сестра

Катя

Я положила трубку и ещё долго сидела, глядя на погасший экран телефона. За окном петербургская ночь разливалась молочной белизной — белые ночи, которые я когда-то ненавидела, а теперь любила. Они напоминали мне о том, как всё изменилось. Как я приехала сюда запуганной девочкой, дрожащей от каждого звука, а стала женой самого опасного человека северо-запада. И как мой брат, Гришка, которого я помнила горячим, вечно влипающим в неприятности мальчишкой, теперь сидит в усадьбе Разумовских и пытается удержать клан. Один. Без батьки.

Я вздохнула и провела ладонью по животу. Уже заметно, округлившись. Ваня говорит, что я стала ещё красивее с тех пор, как забеременела. Он вообще говорит мне много такого, от чего я до сих пор краснела, хотя мы женаты уже почти год. Он изменился. Ледяной принц растаял. И теперь, когда я смотрела на него, я видела не холодного стратега, а мужчину, который готов на всё ради семьи. Ради меня. Ради нашего будущего ребёнка.

Разговор с Гришей не выходил из головы. Он никогда не просил помощи. Никогда. Даже в детстве, когда его задирали старшие мальчишки, он отбивался сам, до крови, до синяков, но не звал на помощь. А тут — позвонил. Значит, со-

всем прижало. Я слышала в его голосе ту самую нотку, которую так хорошо знала по себе: отчаяние, смешанное с гордостью. Ему нужен был кто-то, кто поможет не силой, а умом. Стратег, как он сказал. И я знала, кто может им стать.

Я поднялась с кровати, накинула халат и вышла из спальни. Иван, как всегда, работал допоздна. Его кабинет находился в конце коридора, и я шла босиком по мягкому ковру, чувствуя, как под ногами поскрипывают старые половицы. Особняк Вяземских на Каменном острове никогда не спал. Где-то внизу дежурила охрана, на кухне, наверное, ещё горел свет — Анна Дмитриевна любила засиживаться с книгой. Но здесь, на втором этаже, было тихо, только ветер шумел за окнами да где-то вдалеке гудел катер на Неве.

Дверь кабинета была приоткрыта. Я заглянула внутрь и увидела его. Иван сидел за столом, склонившись над бумагами. Свет от лампы падал на его лицо, подчёркивая резкие скулы и твёрдый подбородок. Он был в одной рубашке, без пиджака, с закатанными рукавами. На правой руке, как всегда, поблёскивал перстень с чёрным алмазом. Он не снял его даже в нашу первую брачную ночь, и я до сих пор помнила, как этот холодный металл касался моей кожи.

— Ты не спишь? — спросил он, не поднимая головы. Конечно, он заметил меня.

— Не сплю, — я вошла и села в кресло напротив. — Гриша звонил.

Теперь он поднял глаза. Серо-голубые, холодные, но когда

он смотрел на меня, в них всегда загорался огонь. Он отложил ручку и откинулся в кресле.

— Рассказывай.

Я рассказала. О «Новых», о старой гвардии, о том, что батька уехал и оставил Гришу одного. О том, что ему нужен советник. Стратег. Кто-то, кто научит его думать головой, а не кулаками.

— И ты хочешь отправить к нему Геру, — произнёс Иван, когда я закончила. Это был не вопрос.

— Да, — я кивнула. — Гера — лучший из всех, кого я знаю. Он умеет договариваться, он умён, он...

— Он только что женился, — перебил Иван. — И Вера беременна.

Я замолчала. Я знала, что прошу о многом. Гера Барятинский, друг семьи, правая рука моего мужа, только недавно женился на тихой, красивой девушке из хорошей семьи. Она ждала ребёнка, и Гера был счастлив, как никогда. На свадьбе он сиял, как начищенный самовар, и всё повторял, что «наконец-то нашёл ту, ради которой стоит жить». А теперь я должна попросить его оставить жену и ехать на Кубань, в самое пекло.

— Я знаю, — сказала я тихо. — Но, Вань, Гриша — мой брат. Если мы не поможем ему сейчас, он потеряет всё. Клан, усадьбу, виноградники. А если он потеряет клан, это ударит и по нам. Ты же понимаешь, что Разумовские — наш южный форпост. Если они падут, следующей мишенью станут наши

порты.

Иван долго молчал. Я видела, как он крутит в пальцах ручку — единственный жест, выдававший его напряжение. Потом он встал, подошёл к окну и уставился на залив.

— Гера — мой друг, — сказал он глухо. — Мы прошли через многое вместе. Он вытаскивал меня из таких передраг, о которых ты даже не догадываешься. Если я пошлю его туда и с ним что-то случится...

— Я знаю, — повторила я, и на глаза навернулись слёзы. — Но если мы не пошлём его, и с Гришей что-то случится, я себе не прощу. А ты — ты же сам говорил, что семья превыше всего.

Он обернулся и посмотрел на меня. Долгим, тяжёлым взглядом. Я уже знала этот взгляд — так он смотрел, когда принимал самые трудные решения. Когда взвешивал все за и против и приходил к выводу, который ему не нравился, но был необходим.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я поговорю с Герой. Но предупреждаю: он поедет только если сам захочет. Я не могу ему приказать. Он не солдат, он — мой друг.

— Он захочет, — я встала и подошла к нему. — Он любит приключения. И он любит тебя. Ты же знаешь, он тебя за отца считает.

— Я младше его на два года, — буркнул Ваня, но уголки его губ чуть дрогнули.

— Это неважно, — я положила ладонь на его грудь и по-

чувствовала, как бьётся его сердце. — Ты для него — авторитет. И для меня тоже.

Он взял моё лицо в ладони и поцеловал. Медленно, глубоко, и я растаяла, как всегда таяла под его губами. Его руки скользнули вниз, на талию, и прижали меня к себе.

— Ты опасная женщина, Катя Вяземская, — прошептал он, отрываясь. — Ты заставляешь меня делать то, чего я не хочу.

— Я просто твоя жена, — я улыбнулась. — И сестра своего брата.

Он покачал головой и снова поцеловал меня. А потом отстранился, взял телефон и набрал номер.

— Гер, — сказал он коротко. — Завтра зайди ко мне. Есть разговор.

— Это срочно? — донёсся из трубки ленивый голос Геры. — А то я тут занят. У меня, знаешь ли, жена беременная, и мы выбираем цвет для детской. Между прочим, это очень ответственное дело. Вера говорит, что цвет «слоновой кости» слишком скучный, а я считаю, что он элегантный. У нас тут целая дискуссия, знаете ли.

— Завтра, — уступил Иван. — В десять..

— Будьте любезны, — Гера явно улыбался на том конце. — Приду, куда ж я денусь. Только, чур, если разговор будет долгим, ты угощаешь завтраком. Короче, жди, ледяной принц.

Он отключился, и Иван посмотрел на меня.

— Ты слышала. Завтра всё решим.

— Спасибо, — я обняла его и прижалась щекой к груди.

— Я знала, что ты поможешь.

— Я помогаю не Григорию, — он провёл ладонью по моим волосам. — Я помогаю тебе.

Я подняла голову и встретила с ним взглядом. В его глазах горел тот самый огонь, который когда-то пугал меня до дрожи, а теперь стал самым желанным зрелищем на свете. Я приподнялась на цыпочки и поцеловала его жарко, страстно, забывая обо всём. Он подхватил меня на руки.

— Кабинет или спальня? — прошептал он.

— Спальня, — я обвила его шею. — У нас ещё есть время до рассвета.

Он понёс меня по коридору, и я смеялась, как девчонка. Впереди было много дел, много проблем, много опасностей. Но сейчас, в его руках, я была просто женщиной. Любимой, желанной, защищённой.

И где-то вдалеке, на Кубани, мой брат ждал помощи. Завтра Гера поедет к нему. И всё изменится. А пока — только мы, тишина белой ночи и его губы на моей коже. Я закрыла глаза и отдалась этому мгновению. Потому что оно того стоило. Всегда стоило.

Глава 5. Уроки стратегии

Партию выигрывает не тот, кто сильнее, а тот, кто знает больше. Каждый ход противника, каждое его колебание — это подсказка. Великий стратег сначала видит, потом просчитывает, и только потом ходит.

Григорий

Гера приехал на следующий день после моего звонка Кате. Я ждал его у ворот, опершись на старую кирпичную кладку, и смотрел, как по аллее катит чёрный седан, вылизанный до блеска. Из машины вышел человек, который выглядел так, будто сошёл с обложки журнала «Как потратить миллион, не напрягаясь». Высокий, светловолосый, в пальто песочного цвета, хотя на дворе стояла кубанская жара, и в начищенных ботинках, на которые страшно было смотреть — вдруг пыль сядет.

— Ну, здравствуй, Григорий, — произнёс он, растягивая слова, и улыбнулся той самой ленивой улыбкой, которая, как я потом узнал, была его визитной карточкой. — Катя просила передать, что ты — её любимый брат, и если я тебя не научу уму-разуму, она меня сама кастрирует. Так что, будь любезен, не подведи. У меня, знаешь ли, большие планы на будущее, и они включают в себя многократное продолжение рода.

Я расхохотался. Вот это да. Вот это прислала сестра. Не

советника — циркача. Но я уже знал от Кати, что этот циркач — один из лучших стратегов, каких она встречала.

— Добро, — сказал я, протягивая руку. — Будем знакомы, Гера. По-нашему, без церемоний.

— По-нашему так по-нашему, — он пожал мою ладонь крепко. — Веди в дом, Хозяин. Показывай свои владения. И рассказывай, что тут у вас за «Новые» такие объявились. Катя говорила, они тебе покоя не дают.

— Не то слово, — я усмехнулся. — Они, как саранча: жрут всё подряд и не подавятся.

— Ну, саранчу мы потравим, — Гера затушил сигарету о подошву своего дорогущего ботинка и улыбнулся. — У меня есть пара идей. Но сначала — обед. Я голодный, как волк. И, будьте любезны, скажите, у вас тут кормят чем-нибудь кроме шашлыка? А то я, знаете ли, привык к более изысканной кухне. Хотя от хорошего шашлыка тоже не откажусь.

— У нас и борщ есть, и сало, и горилка, — я хлопнул его по плечу так, что он чуть не покачнулся. — Пошли, питерский, будем тебя к кубанской жизни приучать.

За обедом мы проговорили часа три. Гера слушал, задавал вопросы острые, точные, и я видел, как в его голове крутятся шестерёнки. Он не был похож на моих казаков. Те всё больше полагались на силу, на авторитет, на старые связи. А этот — на логику. На анализ. Он выпрашивал про каждого старейшину, про каждого поставщика, про связи «Новых», про их лидера Фиксу. И по мере того, как он говорил, я на-

чинал понимать, почему Катя его прислала.

— Значит, так, — сказал он, наконец, откидываясь в кресле и закуривая очередную сигарету (к тому времени пепельница уже была полная). — Твоя главная проблема не в «Нювых». И не в Нестеренко. Твоя главная проблема в том, что ты мыслишь как боец. Ты привык бить прямо врагу в морду, без затей. Это по-нашему, это по-кубански, и это вызывает уважение. Но этого недостаточно.

— А как надо? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. Внутри закипало раздражение, но я сдерживал его.

— Пойдём, покажу.

Он встал и направился в бильярдную. Это была старая комната в западном крыле, которую батя оборудовал ещё в девяностые. Массивный стол зелёного сукна, ряды киев на стене, пара кожаных кресел. Я редко туда заходил — всё время не было. Гера обошёл стол, провёл ладонью по сукну и взял кий.

— Смотри, — сказал он и расставил шары. — Вот ты, — он указал на биток, — а вот враг, — он ткнул кием в дальний шар. — Ты хочешь ударить прямо. Чтобы сразу и насмерть. Так?

— Так, — я кивнул.

— А теперь смотри, что будет, если я ударю прямо. — Он прицелился, ударил — шар пролетел мимо цели и стукнулся о борт. — Мимо. Почему? Потому что враг этого ждёт. Он

уже выстроил защиту против прямого удара. А теперь смотри сюда.

Он снова расставил шары и на этот раз ударил не по целевому шару, а по соседнему. Тот отлетел в борт, рикошетом задел второй, третий — и целевой шар сам скатился в лузу. Я уставился на стол, не веря глазам.

— Враг думает, что ты ударишь прямо, — сказал Гера, улыбаясь. — А ты ударь с отклонением. Пусть он сам подставится. Пусть его же защита станет его слабостью.

— И как это применить к «Новым»? — спросил я, всё ещё глядя на шары.

— Очень просто. Ты не можешь победить их в открытом бою — у них численное преимущество и поддержка извне. Но ты можешь заставить их совершить ошибку. Разделить их. Поссорить между собой. Для этого тебе нужна информация. Полная, абсолютная. Кто с кем спит, кто кому должен, кто на кого обижен. Ты должен знать о них всё. И тогда ты сможешь ударить не по самой сильной их точке, а по самой слабой.

Я молчал, переваривая услышанное. Потом медленно кивнул.

— Сеть осведомителей, — произнёс я. — В каждой станции, на каждом хуторе. Чтобы каждый чих докладывали.

— Именно, — Гера просиял. — Ты меня понял. У тебя уже есть система — те люди, что разосланы по станицам для защиты фермеров. Пусть они теперь ещё и слушают. Пусть

каждый казак, каждая бабка на базаре знают: если кто-то из «Новых» появится, об этом сразу станет известно тебе.

— Добро, — я хлопнул ладонью по столу. — Это я сделаю. А что с Нестеренко?

— С Нестеренко сложнее, — Гера затушил очередную сигарету. — Он — старая гвардия, у него авторитет, его просто так не убрать. Но его можно обезвредить. Покажи ему, что ты не мальчишка. Докажи делом. И самое главное — пока не трогай его. Пусть думает, что ты его боишься. А когда он расслабится — тогда и ударишь. С отклонением.

Я усмехнулся. Мне нравился этот питерский хлыщ. Он говорил дело.

— Ладно, Гера, — сказал я, поднимаясь. — Давай выпьем. За знакомство. По-нашему.

— По-нашему, — он кивнул. — Только, будьте любезны, не из горла. У меня, знаете ли, аристократическое воспитание.

Я расхохотался и налил нам по рюмке. Горилка была холодной, обжигающей, и пилась легко.

— За победу, — сказал я.

— За победу, — повторил он.

Мы чокнулись и выпили. А потом ещё по одной. И ещё. К полуночи мы сидели в креслах, и Гера рассказывал мне о Петербурге, о Вяземских, о том, как Иван когда-то сломал нос Борису Орлову. Я смеялся, как не смеялся уже много месяцев.

— Знаешь, Гриш, — сказал он вдруг, становясь серьёзным. — Ты мне нравишься. Ты горячий, но не дурак. И у тебя есть то, что редко встретишь в нашем мире. Ты справедливый. Это дорогого стоит. Не растеряй это.

— Не растеряю, — пообещал я.

Он кивнул и затушил последнюю сигарету. Мы разошлись по комнатам, и я впервые за долгое время уснул спокойно. Потому что теперь у меня был не просто союзник — у меня был учитель. И я собирался учиться у него всему, что он мог мне дать.

На следующий день я вызвал Дядько и изложил ему план с осведомителями. Он выслушал, почесал оселедец и кивнул.

— Добро, Григорий Сергеич. Сделаем. Будет вам полная картина.

— Не мне, — я покачал головой. — Нам. Всем нам. Потому что если мы проиграем, «Новые» сожрут не только меня, но и всех вас. Понял?

— Понял, — он кивнул. — Слухаюсь, Хозяин.

И пошёл раздавать приказы. А я остался стоять у окна, глядя на виноградники, и думал о том, что Гера прав. Стратегия — это не просто сила. Это умение ждать. Умение бить с отклонением. И я, Григорий Разумовский, научусь этому.

Вдалеке, за лозами, мелькнул лёгкий силуэт. Анна шла по тропинке, и её платье развевалось на ветру. Она была так прекрасна, что у меня перехватило дыхание. Я знал, что она делает — помогает отцу на виноградниках. Я знал, что она

каждый день проходит мимо усадьбы, опуская глаза, чтобы не встретиться со мной взглядом. И сегодня я не пошёл за ней. Не окликнул. Не попытался догнать.

Я дал слово её отцу. До свадьбы — ни прикосновения. Но это не значило, что я не мог смотреть. И я смотрел жадно, ненасытно, пока её силуэт не исчез за кипарисами.

Только тогда отвернулся и пошёл в кабинет. Работы было много. Но теперь у меня была цель. И стратегия.

Глава 6. Ухаживания

Панас привёз Аньку в субботу, на рассвете. Я специально выбрал это время — хотел, чтобы она увидела усадьбу в первых лучах солнца, когда виноградники кажутся золотыми, а воздух ещё прохладный и пахнет росой. Стоял на крыльце, сложив руки на груди, и смотрел, как старенький «Москвич» фермера подкатывает к воротам. Дядько махнул охране, и створки медленно открылись, пропуская машину во двор.

Из «Москвича» первым вышел Панас. Он был в своей единственной выходной рубаше, выглаженной, но всё равно мятой, и в старой кубанке, которую держал в руках, нервно теребя край. За ним, нерешительно, как птичка, готовая вспорхнуть, выбралась Анна. На ней было скромное голубое платье, то самое, в котором я видел её в церкви на Пасху, и белый платок, повязанный поверх косы. Она подняла глаза на усадьбу, и я увидел, как в них мелькнул страх пополам с любопытством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.